

Номинация: «Пьесы»

Владимир Лидский

ПТИЧКА

Драма в одном действии

Действующие лица

ПЕТЯ

ГАЛЯ

ПЕТУХОВ

Стандартная малогабаритная квартира советского образца — небольшая, бедно обставленная: допотопный сервант с каким-то разрозненным бабушкиным хрусталём, старый телевизор, небольшой книжный шкаф с книгами, двуспальная кровать, еле втиснутая в тесную нишу, стол, стулья, на стенах — дежурное фото Есенина в ширпотребовском исполнении, портрет Хэмингуэя в вязаном свитере и с бородой да репродукция вездесущей «Неизвестной» Серова. Сбоку видна крохотная кухня, у стены — газовая плита с двумя-тремя стоящими на ней кастрюлями или сковородками, в углу — обшарпанный холодильник. Этот скудный быт эпохи развитого социализма герои перетасили в самое начало двухтысячных, да так и живут в нём, не стремясь, а, может, и не умея ничего переделать.

В глубине сцены — фасады окрестных домов, на одном из них — на уровне примерно второго этажа — облупленный советский балкон со ржавыми решётками ограждения.

За сценой слышен шум нарастающего скандала. Крики, визг, звон разбиваемой посуды. В состоянии почти драки, размахивая руками, в комнату влетают Петя и Галя.

ГАЛЯ (*испуганно*). Петя, не надо! Петечка не надо! Я тебя прошу, Петя!

ПЕТЯ. Ах ты, дрянь! Я, значит, виноват! (*Пытается дать ей пощёчину.*) Мужик не может быть виноват! Это у ты там чё-то в организме!

ГАЛЯ. Хорошо, Петечка, хорошо! Это у меня что-то не в порядке... а доктор сказал — можно попробовать... у меня, у меня! Это я во всём виновата!

ПЕТЯ. Так лечись, мать твою!

ГАЛЯ. А ты тоже, Петечка, лечись! Ты тоже! Нам вместе надо!

ПЕТЯ. Ты меня не слышишь! Мне-то нафига? У тя же! Вот ты и давай! Таскалась, небось, до меня? Сучка! Шалава! (*Пытается ударить Галю по голове*). Аборты делала? Венеролога посещала?

ГАЛЯ. Ты что, Петя, совсем, что ли, с ума сошёл?

ПЕТЯ. И потом таскалась... потом, после свадьбы уже таскалась! Тебе же всё время надо! Всё время тебе мужика подавай! Чё я не помню, думаешь? Петя, давай, Петя, давай! А если Петя устал, если Петя на заводе упахался? Нет же! Давай тебе и всё! Всё я знаю! Таскалась, пока Петя не мог! Хрен отмажешься теперь! Я вот интересуюсь спросить: а чё у тя с Петуховым-то было?

ГАЛЯ. Ничего не было! Петечка! Честное благородное слово, ничего не было! Кто тебе сказал?

ПЕТЯ. Ну, ты мне рассказывай! Типа я лошок вокзальный! Пока я день и ночь... день и ночь... да знаешь ли ты, скока я сил потратил, драгоценных своих духовных сил! Пятый, твою мать, роман! Двадцать восемь повестей! У меня уже собрание сочинений скоро! А заметки энтомолога? Скока я заметок энтомолога написал! Пришвин молчит... этот, как его... Джеральд Дарелл! отдыхает... Бианки твой ваще на хрен заткнулся! Ради денег! Всё ради того, чтоб те жилось хорошо... ты ж у меня, как у Христа за пазухой! Ты ж за мной, как за каменной стеной! А ты с Петуховым! Да я тя придушу за это! (*Бросается на Галю, хватая за волосы*).

ГАЛЯ (*визжит*). Петя, не надо! Петухов меня даже не трогал!

ПЕТЯ. Да? А почему?

ГАЛЯ. Потому что ничего не было!

ПЕТЯ. Врёшь ты, змеюка! Всё врёшь! Было! Топтал тебя Петухов! Потому что ты курица! Потому что ты курица со здоровенной толстой задницей. А петухи должны кур топтать! Это у них на роду написано.

ГАЛЯ. Как же ты можешь, Петечка? Ведь я тебя люблю, я тебя сильно-сильно люблю.

ПЕТЯ. Любит она! Чё ты зенки свои на меня вылупила? (*Почти в истерике*.) Суп вечно недосоленный!

ГАЛЯ. Так соль, Петечка, это белая смерть!

ПЕТЯ. А компот несладкий всю дорогу!

ГАЛЯ. Так и сахар, Петечка, — белая смерть!

ПЕТЯ. А мясо! Почему тигру в клетку мяса не докладывают?

ГАЛЯ. Так то вообще, Петечка, кровавая смерть! Мы не можем себе позволить мясо каждый день...

ПЕТЯ. Я те щас устрою кровавую смерть! Ох, ты у меня кровью-то умоешься! Читала Артёма Весёлого? *(Подняв руку, декламирует.)* «Россия, кровью умытая»! *(Пытается одной рукой снова ухватить её за волосы, другой ударить, но она вырывается и мечется по квартире.)* Я тебе за всё, за всё! Сидишь там, в своей канцелярии, мышшь серая! У всех бабы, как бабы! Красючки! Косметика, наряды, боевая раскраска... блестя этими, как его... духами и туманами...

ГАЛЯ *(плачет)*. Ага... блестя... на какие шиши мне блеснуть? Ну, я знаю, конечно, что ты великий писатель... только это ещё не все поняли... никто не понял... вот издадут когда твои романы, вот тогда... Ты бы на работу, что ли, устроился... *(Пауза.)* Давай спокойно поговорим... Ты вон там сядь, пожалуйста...

Петя берёт стул за спинку, подносит к Гале, но она отбегаёт в сторону.

Петечка, вон там, у стены...

ПЕТЯ *(сядась)*. Правильно боишься... значит уважаешь...

ГАЛЯ. Петечка, я очень тебя люблю. И уважаю. И я за тобой, как за каменной стеной... это да... Но мы ж, Петечка, с тобой и не живём как-то, а... ну, что ли, существуем... Ведь ты денег совсем не зарабатываешь!

ПЕТЯ. Как это я не зарабатываю? Я директором морга даже работал!

ГАЛЯ. Два дня.

ПЕТЯ. А я не виноват, что покойников боюсь! Прихожу дежурить... ночь... собака воеет на улице... проверил холодильники, зашёл в прозекторскую, там два жмура на столе, — щас, думаю, врач придёт... ну, замешкался там малехо... вдруг смотрю — один покойник встаёт на хрен! Ты чё думаешь? Я сам чуть копыта не откинул! Оказалось — санитары! Приняли лишку, вот их и сморило... Лежат себе, в дудочки свои не дуют! Да это просто не моя работа...а денег-то я хотел же заработать!

ГАЛЯ. Ой, маленькая какая хотелка у тебя... ни-че-го не заработал...

ПЕТЯ. Да я ваще — писатель! Я не для того родился! Чё ты подначиваешь? На себя посмотри! Ни кожи, ни рожи! *(Издевательски.)* Офис-менеджер, бухгалтер-хреналтер! Какой ты нафиг офис-менеджер? Машинистка! Секретутка! Даёшь там всем подряд! Дебит-кредит, нетто-брутто... Задницу свою культивируешь! Клепаешь там на компе чё-то целый день! Чё ты там клепаешь?

ГАЛЯ. Ты же знаешь, Петечка... квартальная отчётность... документы очень важные, каждый день столько важных документов...

ПЕТЯ. Бесплезная работа. Крючкотворство. Вот я интересуюсь спросить: зачем ты ваще в обществе нужна? Бесплезный, даже вредный член человеческого общежития. С утра до вечера — дын-дын, дын-дын, дын-дын, дын-дын... Чё за работа?

ГАЛЯ. Так ты ж, Петечка, тоже весь день это... дын-дын-дын...

ПЕТЯ. Я осмысленно! Я писатель! Я прозу пишу... ты вслушайся: про-о-зу... Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой!.. Я мучаюсь! Я мучаюсь, описывая ужасы нашего повседневного бытия. За страну мучаюсь... за державу, за всех обиженных... знаешь, скока у нас обиженных? Я за всех мучаюсь! За сирот, за безпризорников... за стариков тоже... вот сидят они, горемычные, в переходах подземных, в метро, на вокзалах... я подхожу всегда: ну что, брат, хлеба хочешь? Да, говорит... хочу... а лучше — денег... Кто ж, говорю, не хочет... я вот — тоже... Ты же брат мой, говорю, мы с тобой оба хлеба хотим! Брат мой во Христе! Мы же оба с тобой отверженные! Про нас Виктор Гюго писал!

ГАЛЯ. Виктор.

ПЕТЯ. Неважно... и я обнимаю его, как брата!

ГАЛЯ. Гюго?

ПЕТЯ. Нет! Бомжа этого своего, брата во Христе! Да! И целую! Это моя боль! Последнее отдаю ему, рубашку свою снимаю!

ГАЛЯ (*сочувственно*). Ай-я-яй... а потом квасите вместе в подворотне...

ПЕТЯ. А ты не иронизируй! Я таким образом постигаю жизнь городского дна. Как Горький. «На дне»! «Человек — это звучит гордо!»

ГАЛЯ. Особенно когда бухой... так звучит, так звучит! Прямо уши в трубочки сворачиваются...

ПЕТЯ. Ну чё ты, самая умная в моём окружении? Чё ты всё иронизируешь, чё ты с подковыркой-то всю дорогу? Ты мне еды лучше приготовь! Почему я голодный всегда?

ГАЛЯ. Потому что ты быстро всё съедаешь...

ПЕТЯ. Врёшь! Не быстро! Ты меня голодом держишь. Я творческий человек! Я должен хорошо питаться. Мне фосфор нужен. Икры в доме уже лет двадцать не было...

ГАЛЯ. Петечка, ты же знаешь, какая у меня зарплата...

ПЕТЯ. А ты требуй! Ты требуй повышения! Почему у ты за все эти годы не было никаких повышений? Почему ты остановилась в своём карьерном росте?

ГАЛЯ. Потому что у нас, Петечка, таких умниц, как я, штук двадцать в бухгалтерии сидит.

ПЕТЯ. И только одна почему-то стала главным бухгалтером! С зарплатой, как у министра!

ГАЛЯ. Фуфлыгина? (*Делает страшные глаза.*) Петечка! У неё же бюст — вот такой! (*Показывает.*)

ПЕТЯ. Ну, правильно! А у тебя — вот такой! (*Показывает две скрученные фигуры.*)

ГАЛЯ. Петечка, я не виновата, что у меня не растёт... И потом — ты не знаешь, как она этого добилась!

ПЕТЯ. Бюста?

ГАЛЯ. Нет! Зарплаты, как у министра...

ПЕТЯ. Чё ж не знаю! Очень даже знаю! Она лизала жо... жёлтую морщинистую кожу вашего начальника... в известном месте!

ГАЛЯ. И ты хочешь, чтобы я...

ПЕТЯ. Нет!

ГАЛЯ. У меня, Петечка, никогда не будет зарплата, как у министра! Я сижу в самом дальнем, самом тёмном углу офиса, меня даже не замечает никто... и бюста у меня никакого...

ПЕТЯ. Бюст у тебя будет на родине героя... когда я тебя убью уже наконец! На главной площади Крыжополя поставим... и благодарные слобожане станут приносить к его подножию, словно к подножию Мавзолея, тряпичные цветы... чтобы не стёрлись воспоминания о тебе в благодарной памяти народа...

ГАЛЯ. Вот тебе смешно, Петечка, а ведь я делаю больше всех работы и в моих отчётах не бывает ошибок. Я всегда тщательно всё... я и программу изучила... один эс бухгалтерия! Знаешь, какая трудная... Я и бумаги перепечатаваю как пулемёт!

ПЕТЯ. Крупнокалиберный...

ГАЛЯ. Я стараюсь изо всех сил... я же ответственная, добросовестная, аккуратная... а мне — шампунь к Восьмому марта! Огромная, богатая фирма!

ПЕТЯ. У ты карма плохая.

ГАЛЯ. Зато, Петечка, ты у меня есть. Я тебя, как в многотиражке увидела, так сразу и решила — мой! *(Смеётся.)* Ты помнишь хоть, как ты в многотиражке? Худой, нескладный... всё речи говорил... как ты воспламенялся каждый раз! «Я не могу поступаться рабочими принципами!» «Долой гнилой либерализм!» «Вон Сидорова из комсомола!» Ты такой идейный был, Петечка... Как я влюбилась в тебя, как влюбилась... Ты ж у нас на заводе первый парень был... заготовки лучше всех делал... ты хоть помнишь?... и больше всех... ударник коммунистического труда, стахановец, можно сказать, на всех субботниках — в первых рядах, зря мы тебя, что ли, комсоргом цеха выбрали? А потом помнишь — парторг наш, Лукич? Даёшь, говорит, Петруху в заводской комитет ВЛКСМ!

ПЕТЯ. Хороший был мужик... лет пять уж как помер...

ГАЛЯ. Не перенёс, бедолага, перестройку... Это ведь он заметил, как ты с корреспонденциями в многотиражку носился! Помнишь? «Мы придём к победе коммунистического труда!» «Все люди доброй воли и вся прогрессивная общественность...»... «Моральный облик строителя коммунизма предполагает...» А сам-то... помнишь, какой ты мне моральный облик показывал...

ПЕТЯ. Это я ещё не целиком показывал...

ГАЛЯ. А какие стихи ты писал... какие зажигательные стихи! Чего-то там про переплавку, перековку и производственный план... всегда в многотиражке — на первой полосе... вот Лукич тебя и — рраз! В Литературный институт! По разрядке, без экзаменов!

ПЕТЯ. Ну, ладно, ладно, без экзаменов! Ты говори, да не заговаривайся! Сдавал я экзамены! Русский язык, литература там... ещё чё-то, не помню уже.. А я вот интересуюсь спросить: чё ты мне ваще намёки намёкиваешь? Типа я в институт по блату поступил? Типа я бездарь? Типа я писать не умею? Да я уже на первом курсе роман написал! Пока там сокурсники телепались... Крутейший роман про металлистов... любовь! Любовь в заводском цеху... на фоне раскалённой металлической стружки, гудящих токарных станков, вымпелов и встречных планов по выполнению и перевыполнению! И меня сразу, как ферзя на шахматной доске, рраз так! — и в Союз писателей! И мне бы даже Государственную премию сразу бы дали, тока там маститые сначала первые в очереди стояли, не дошло чё-то до меня...

ГАЛЯ. Тебе ещё дадут, Петечка, обязательно дадут — и Государственную, и «Большую книгу»... да что там «Большая книга»! тебе Нобелевку дадут! Вот увидишь!

ПЕТЯ (*решительно*). Я всех порву! Как Мурзик соску!

ГАЛЯ. Ты только не пей, Петечка! (*Робко.*) А может, на работу всё-таки устроишься? Мне тяжело ведь одной-то...

ПЕТЯ. Какая работа? Да ты достала уже! Это не работа, что ли? Я же день и ночь, день и ночь...

ГАЛЯ. Ага, день и ночь! А пустые бутылки, Петечка? А вот лифчик чужой я под кроватью находила... Это же не мой лифчик был!

ПЕТЯ. Опять ты, Галя, за прежнее! Я ведь тебе уже объяснял: это я тебе в подарок купил!

ГАЛЯ (*начинает тихо плакать*). А почему пятый номер? У меня же первый...

ПЕТЯ (*уверенно*). Ну, на вырост! Я же говорил уже!

ГАЛЯ. У меня до такого размера никогда не вырастет!

ПЕТЯ. Так ты кушай побольше! Ты кушаешь плохо!

ГАЛЯ. А трусики! Другим разом я трусики находила... в пиджаке у тебя...

ПЕТЯ (*с искренним удивлением*). Так тоже подарок!

ГАЛЯ (*плача в голос*). А почему только одна моя нога в них влезла? Маленькие совсем!

ПЕТЯ. Так ты уж к тому времени раскормилась, мать... я ж в надежде, что ты похудеешь...

ГАЛЯ. Ты мне изменяешь, Петя!

ПЕТЯ. Боже сохрани! Ну, я ж тебя люблю всё-таки...

ГАЛЯ. Правда? А как, как ты меня любишь?

ПЕТЯ (*сокрушённо*). Редко... Надо бы почаще...

ГАЛЯ. Ну, ничего, ничего, Петечка... всё ж таки возраст у нас уже... (*Игриво.*) А давай сейчас это...

ПЕТЯ. Чё?

ГАЛЯ. Ну, типа... пошалим... Вдруг получится...

ПЕТЯ (*испуганно*). Не, мне работать надо...

ГАЛЯ. Ну, немножко, Петечка... попробуем только... давно же уже не пробовали... мультфильмы включим...

ПЕТЯ (*несколько нервно*). Какие мультфильмы? Зачем это?

ГАЛЯ. Ты забыл, что ли? Ну... один мальчик...

ПЕТЯ. Ну...

ГАЛЯ. ... спрашивает в детском саду у другого мальчика...

ПЕТЯ. Ну...

ГАЛЯ. «Твои родители боятся мультфильмов?» — «Нет». — «А мои боятся. Включают мне мультфильмы по телевизору, а сами залезают под одеяло, накрываются с головой и трясутся от страха...»

ПЕТЯ (*включаясь*). А давай...

ГАЛЯ. Ты ложись... а я тебя это... увлекать буду... как шамаханская царица...

Петя снимает рубашку, брюки, ложится в постель. Галя зажигает свечу. Свет на сцене убывает. Галя кружится по комнате, исполняя эротический танец и постепенно несколько оголяясь. Петя, слегка привстав, заинтересованно наблюдает. Галя падает к нему в постель. Довольно продолжительное время возятся, время от времени слышны междометия, вскрики, напряжённое сопение.

ПЕТЯ. Не получается! Не получается, чёрт возьми! Я испытываю какой-то когнитивный диссонанс...

ГАЛЯ. Ну, ничего, ничего, Петечка... в другой раз получится!

ПЕТЯ. Чё ты меня утешаешь? (*Передразнивает.*) В другой раз получится! Может, и получится! Да не с тобой! Достала уже! Ну, что это такое? Сисек нету! Задница — как у коровы! Ноги! Ну ты посмотри на свои ноги! Это же не ляжки, а какой-то окорок тамбовский!

ГАЛЯ (*сидя в кровати, тихо плачет*). А раньше ты меня любил... Раньше ты меня хотел... Помнишь, как ты меня обнимал? И руки твои машинным маслом пахли... ты был такой горячий... как печка...

ПЕТЯ. Да пошла ты... Ходишь тут, как привидение, людей пугаешь... когда вот ты причёску последний раз делала? Брови почему не выщипываешь? Как у Брежнева брови! Халат этот свой, твою мать, выброси уже наконец! От него кухни несёт!

ГАЛЯ. Петечка... да новый же халат, право слово... А в парикмахерской я как раз недавно была...

ПЕТЯ (*кричит*). Когда недавно?

ГАЛЯ. В прошлом году...

ПЕТЯ. Ну правильно! Кому ты на хрен нужна? Петухову тока! Знаки внимания он ей, видите ли, оказывает! Цветочки дарит! Он, видите ли, со школьной скамьи в неё влюблён! Ну так иди к своему Петухову! Он тебя ждёт не дожждётся! На хрен ты ему нужна, кобыла такая! Иди! Хоть сейчас проваливай! Принц, тоже мне! Сокровище из ваты! Ботаников любишь?

ГАЛЯ. Петечка... не надо, Петечка...

ПЕТЯ. Чё ж не надо? Иди... он тя ублажит! У него-то, небось, нету когнитивного диссонанса? Один позитивный консенсус! А у меня зато — во! (*Показывает здоровенный кулак.*) Как я его в школе дрючил! Поймаю на переменке и — рраз так его башкой в угол!.. А штоб не выёживался!

ГАЛЯ. Петечка, ты же хороший, добрый человек!

ПЕТЯ. Ну, правильно! Я его по-доброму так — рраз башкой в угол! А потом по-хорошему — рраз ему кулаком в пятак! Скока раз я ему говорил: не подходи к Галке, не подходи к Галке! А он упрямый, гадёныш! Подходит и подходит! Ну и пришлось его маленько поучить... помнишь, как я ему на дне рожденья табло подрихтовал? Это я ещё в институт тока поступил... ой, приятно вспомнить... морда у него была вот такая (*Показывает.*)... как пельмень... И поделом! Вот не знаю я прям шуры-муры ваши! Я когда челночил, ты, тварь такая, чем, к примеру, занималась? Позабыла то, что было?

ГАЛЯ. Да ничем я не занималась... и ничего я не забыла! Петечка... сколько ж можно! Я работала, я тоже для семьи старалась... ты вспомни, как мы жили, когда перестройка началась... и потом... когда тебя сократили, а меня гнали отовсюду... я с кофточками китайскими возле метро стояла... знаешь, как это унизительно — со всякой дрянью на морозе стоять? Встанут бабы на подступах к метро — в два ряда, по обе стороны прохода... а на руках — кофточки распыленные... это не кофточки, это мы, простые советские бабы, которым семьи кормить нужно было... это нас распинали на крестах, нас размазывали по грязным подземным переходам... квалификации, видишь ли, у меня не хватало... А приватизация? Помнишь, Петя, приватизацию? Помнишь, как нам с тобой ваучеры дали? Надо было нам их продать тогда возле Лужников! По десять тысяч давали!

ПЕТЯ. А я вот интересуюсь спросить: кто их профукал-то зазря, как ты девственность свою? Кто мне всю плешь проел: нефть-алмаз-инвест, нефть-алмаз-инвест? Ну, положили в этот долбаный нефть-алмаз-инвест, и чё? Думала алмазы на тебя посыпятся да нефть польётся? Эх ты, коза!

ГАЛЯ. Да я ж думала, Петечка...

ПЕТЯ. Думала она! У тебя есть чем думать-то? Нужно было думать, когда Петухову давала... Да чё ты мне тут ваще сопли распустила? Страдалица, мля... Возле метро она стояла! А я прям в шоколаде вращался... Я чё, мичуринцем, по-твоему работал?

ГАЛЯ (*в недоумении*). Каким, Петечка, мичуринцем?

ПЕТЯ. Да таким... которые сама знаешь чем груши околачивают... Я тоже крутился... Забыла, как мне книжку готовую рассыпали... такой роман, такие характеры могучие! производственная тема, видите ли, никому стала не нужна... «Рабыню Изауру» им подавай... а когда я без работы остался, кто в этот долбанный Китай ездил, кто шматьё ширпотребовское баулами таскал? На какие шиши, ты кошка драная, в Болгарию поехала? Кто тебе бабки на круиз заработал? Забыла, как ты прыгала да летала, забыла, как ты кипятком от счастья писала? А чё ты летала? Птичка! Галочка не птичка — Болгария не заграничка... Море, пальмы да песок... Тебя не на море надо было, а на Тверскую, пока молодая — задницей вертеть... глядишь, может, и навертела бы чего...

ГАЛЯ. Петечка, ты ведь тоже так радовался... вспомни! первый раз за границу попали... как мы счастливы были, как любили друг друга... молодые, свободные, жизнь впереди!

ПЕТЯ. Ага, радовались мы! С какого, спрашивается, мы радовались? Ты, может, и радовалась... а я? Я страдал! Да, я страдал! А ты чё думала? Я родину бросил! На целых восемнадцать дней! Мне же там невоготу было! Землю родную вспоминал! Отечество моё! Берёзоньки кудрявые! Золотые поля... росные луга... степной ковыль... аромат... этот, как его? духмяный! Да, духмяный, чёрт возьми, аромат свежеспеченного хлеба! Рассветную зорьку! Жалобный клич улетающих журавлей... И это... унылую пору, очей очарованье... сиротливую стерню... (*Встает со стула, начинает монотонно расхаживать.*) тока не сжата полоска одна, грустную думу наводит она... (*Плачет.*) Родина! Слышал твой зов непрерывный и, страдая, плакал, аки лев, раненый отравленной стрелой! Для чего бросил я тебя, ненаглядную отчизну мою! Для чего мне эти Золотые пески, для чего мне это лучезарное море? Родина, Родина! Я сойду с трапа самолёта и буду целовать землю свою и как жену чужую обнимать придорожную берёзку! (*Плачет ещё пуще.*)

ГАЛЯ (*робко подходя к нему*). Петечка, не плачь Петечка... это же давно уже было!

ПЕТЯ (*рыдает*). Всё равно! Всё равно Родину жалко! Как она без меня была! (*Внезапно.*) Слушай, а что если мы родителям моим квартиру сожжём!

ГАЛЯ. Ты с ума сошёл! А где они жить будут?

ПЕТЯ. Нигде не будут!

ГАЛЯ. Как же так?

ПЕТЯ. А так! Убьём их! И в землю закопаем!

ГАЛЯ. Петечка... как ты можешь... ты же это не всерьёз?

ПЕТЯ. Чё ж не всерьёз-то? Из классовой ненависти сожжём — к чё-ё-ёртовой матери! Какого, спрашивается, члена предложения у них четырёхкомнатная квартира, а у нас — однокомнатная, да халупа такая? Чё это за квартира — восемнадцать метров? А они буржуи, настоящие буржуи, отхапали себе хоромы... эх, парткомы, обкомы! вот же время было! Зря, что ли, мой папахен стока лет секретарём проработал? Квартирка, машинка персональная... дачка опять же... заслуженный, мать его, пенсионер! А как сыну помочь — так запахло! Сам, сыночка, карабкайся, сам дерьмо своё хлебай! Где он был, когда мои романы гнобили! О рабочем классе! Сказал он хоть слово за меня? А когда я писать

бросил, да челночить взялся? И когда денег у него просил занять? На шматьё китайское... Хрен с маком он мне занял!

ГАЛЯ. Зато ты всё сам, Петечка! Ты сам поднялся! Потому что ты крут!

ПЕТЯ. Чё ты усмехаешься, чё ты намёкиваешь опять! Типа круче нас тока яйца? А когда они явились, эти яйца железные, вот ты лично где была? Дома перед телевизором сидела... задницу свою растила... Помнишь, скока я в больничке провалялся? Кашку манную через трубочку сосал? Из поезда меня выбрасывали, бошку мне в моём же магазине разбивали... Вон, шрамы остались (*Стучит себя по голове костяшками пальцев.*) Весь мозг, понимаешь, вытек! Чем я теперь мысль думать буду? Как я новые романы писать стану? А ты? Ты же на шее у меня! Ты же тварь неблагодарная! Кровью моей питаешься... глянь, у меня и здоровья-то уже ни хрена не осталось... (*Кричит.*) Слезь с шеи моей, обуза неподъёмная! Доколе я тебя тащить-то буду?!

ГАЛЯ. Бог с тобой, Петечка! Это ж я работаю! Это ж я в шесть утра встаю... завтрак тебе готовлю... а потом же на работу! К восьми, Петечка! Ведь я целый день, Петечка, за компьютером-то... не разгибаясь... в самом тёмном углу... посмотри, у меня и глаза уже болят... все глаза проклятый компьютер-то сожрал... Я ж скоро слепенькая стану... будешь ты меня через дорогу тогда переводить?

ПЕТЯ. Ну и за каким чёртом тебе через дорогу? Что тебе там, через дорогу, нужно? Да хоть бы уже на твою задницу какой-нибудь самосвал наехал! Хоть бы тебя уже какой-нибудь говновоз по асфальту размазал! Скока можно уже душу мне травить! Задолбала ты меня! Что ты мне гестапо тут устроила? Что ж ты издеваешься надо мной двадцать лет!.. Ох! (*Хватается за сердце.*)

ГАЛЯ. Петечка!

ПЕТЯ. Добилась!.. (*Падает.*)

ГАЛЯ. Воды! (*Выбегает, быстро возвращается со стаканом воды.*) Петечка, воды! Попей, миленький, попей...

Петя отпихивает стакан, расплёскивая воду.

ПЕТЯ. С-сука... Й-я-яду принесла... Квартирку хочешь захватить? Вот эту квартирку, на мои кровные купленную? Стоимостью в одну мою проломленную башку? Зароешь меня, а сама радоваться будешь? Петухова своего сюда приведёшь? Я буду в могилке лежать, а этот петух будет свою птичку топтать? Курочка не птичка, Галочка не истеричка! Да! Это я в истерике, это у меня сердце большое! Кто этого добился? Кто довёл живого, здорового человека... который писал бессмертные романы, зарабатывал деньги, холил и лелеял жену свою... А она хочет, чтоб я сдох? (*Привстаёт, хватая Галю за волосы.*) Ты хочешь, чтоб я сдох? (*Галя вырывается.*) Ты давай-ка сама лучше сдохни! Я тебе не позволю надо мной издеваться!

ГАЛЯ (*кое-как освободившись*). Петечка, Петечка! Тебе плохо... милый мой, дорогой... я тебе сейчас врача вызову...

ПЕТЯ. Ты себе давай вызови! Скорую психиатрическую... санитаров вызови! Дрянь такая, змея... мужу плохо, а она издевается! Ой! Ох! А-а-а... Конец... умираю... Ich sterbe...

ГАЛЯ (*в панике*). Петя!

ПЕТЯ. Не завещаю тебе ничего... пускай государству достанется... ох... ой... нет, не могу больше терпеть... как больно, как больно... как страшно оставлять этот цветущий мир... тёплое солнышко, детишек во дворе... травку зелёную... птичек... Птичка, мать твою! По миру пойдёшь у меня, сдохнешь под забором! Пускай Петухов на твоей могилке соплю подбирает! Но сначала я сам подохну, чтобы ты помучилась... хоронить будешь меня, гроб поедешь заказывать!

ГАЛЯ (*плачет*). Нет, Петя, нет! Ты будешь жить! Мы отдохнём, Петечка, мы отдохнём! Я буду работать, а ты станешь писать новые книги! Ты напишешь огромный роман, получишь за него кучу денег и мы... и мы... (*Мучительно ищет слова*)... и мы купим дачу! В Переделкино! Будем жить среди настоящих писателей!

ПЕТЯ (*приподымаясь на локте, заинтересованно*). Да-а?

ГАЛЯ. Конечно! Купим тебе настоящий старинный письменный стол... с выдвижными ящиками... много-много таких пахнущих настоящим деревом ящичков... не таких, как сейчас... знаешь ведь... пластмассовые кругом... и вот ты сидишь, пишешь, а я в саду варенье варю... малиновое... приходит вечер... тёплый такой подмосковный вечер... ты заканчиваешь работу и мы садимся с тобой на веранде пить чай... представляешь, как здорово! С самоваром! Мы сидим, самовар гудит, и я тебе наливаю такой густой, с ореховым таким отливом чай... Боже, как он пахнет! А какой аромат от варенья! Сверчки стрекочут... а мы сидим... блаженство... ничего нет плохого на земле, ни войн, ни революций, ни голода, ни холода... Счастье... Петечка, счастье... семья, любовь и детей ещё родим! Петечка, обязательно родим! мальчика и девочку... и будут они вокруг стола бегать: мама, дай конфетку, папа, дай баранку...

ПЕТЯ. Ты чё, совсем ненормальная? Дети тебе в сорок лет!

ГАЛЯ. Не в сорок, Петечка! Не в сорок! В тридцать восемь!

ПЕТЯ. Да хоть и в тридцать восемь!

ГАЛЯ. А что? И рожают женщины в тридцать восемь... в сорок пять даже рожают! Прекрасно рожают!

ПЕТЯ. Ну, тебе-то, положим, нипочём не родить! Ты ж больная!

ГАЛЯ. А мы полечимся, Петя!

ПЕТЯ. Чё за «мы»? Ты да я, да мы с тобой! Ты больная, ты и лечись!

ГАЛЯ. Хорошо, хорошо, Петечка! Я и профессора замечательного знаю... он всё сделает... будут у нас детки!

ПЕТЯ. Сам, что ли, сделает? Без меня решила обойтись? Ну, и правильно, на хрена я тебе? Ты ж так и глядишь по сторонам — кому бы дать, ну, кому? Тварь развратная! Давай, рожай! Может, лягушонка какого-нибудь родишь!

ГАЛЯ. Петечка, тебе уже лучше?

ПЕТЯ. А ты не радуйся, змея... будет ещё и хуже... вот как родишь, так сразу я с горя и подохну!

ГАЛЯ. Нет, Петечка, ты долго будешь жить, ты будешь писать новые книги и радовать своих читателей. А я буду тобой гордиться! Тебе даже памятник поставят. *(Испуганно.)* При жизни, Петечка, при жизни! Потому что никто лучше тебя не умеет писать романы о рабочих и никто не способен так воспеть облагораживающую силу творческого труда! Горький нервно курит в сторонке! Куда там до тебя Алексею Максимовичу! Давай глубже копнём: Достоевский вообще не при делах! Да о чём мы с тобой говорим! Толстой, Чехов! Пушкин! С Пушкиным ты на одной доске!

ПЕТЯ. Ну, вот насчёт Пушкина это ты зря сказала... этого я тебе никогда не прошу! Пушкин — это же... Пушкин! Я ж тебе за Пушкина глотку перегрызу! А ваще среди писателей скока великих! Гигантов, можно сказать, мысли! Отцов русской демократии! И тоже все страдали! Все поголовно страдали! Почти как я! В голоде, в холоде, в своих разорённых поместьях и усадьбах... Толстой — сапоги тачал! Достоевский — в рабстве был! Естественно, в рабстве! Его же издатель на цепи держал! Пока не закончишь роман — вот тебе рулетка! *(Показывает кукиш.)* Пока не напишешь повесть — вот тебе Анна Григорьевна! *(Показывает кукиш другой рукой.)* А Гоголь! Бедный Гоголь! Как он мучился! Как его черти донимали! А Платонов голодал! А Гаршин ваще — в лестничный пролёт! Бабах башкой об кафель подъезда! И всё! И я тоже так скоро... невмоготу мне уже с тобой, змеюка подколотная... заела ты мой век, сгубила ты мой талант!

ГАЛЯ. Да я же наоборот, Петя! Я же наоборот — всё тебе, всё тебе! Я же тоже рассказы неплохие писала... а ведь я и в институт за тобой пошла, только ради того, чтобы рядом быть... как я поступала — вот смеху-то было! Везде я за тобой хвостом, хвостом! И на собеседованиях, и на экзаменах... и ты ещё удивлялся, как это я легко экзамены сдаю!

ПЕТЯ. Да чего там — ты способная была! Вот зря тока ты бросила писать!

ГАЛЯ. Так деньги, Петечка, надо было зарабатывать! Ты вспомни, как мы первое время-то бедовали... Оба студенты, родители не помогают. Твои как-то сразу от нас отодвинулись... и то правда — не ровня я тебе! Ты ж из такой знатной семьи... дедушка с бабушкой — старые большевики, папа с мамой — партийные работники... и ты, красавец ты мой, — жених на загляденье! А я? Пигалица, мышка серая!

ПЕТЯ. Не, не мышка... Птичка!

ГАЛЯ. И с родителями не подфартило мне... мама — учительница, папа — инженер... самое последнее советское сословие... даже уборщица — и то рабочий класс! Выше по статусу, чем инженер! Кто это такие вообще? Интеллигенция вшивая! А знаешь, почему вшивая? Потому что денег на мыло вечно не хватает! Это те, кто «шляпу надел, а туда же!» Те, кто «а ещё в очках!» Которые всегда последние во всех очередях! Только после рабочих и колхозников... У кого в авоськах — буханка Бородинского да плавленый сырок... Кто заискивать должен перед гегемонами... чтобы не скovyрнули откуда-нибудь с маленьких высот, чтобы не тронули, если что, при очередном погроме! Чтобы в постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград», не дай Бог, не упомянули фамилий! Спасайся, кто может! Гнилой либерализм тут сеете! Гуманизм воспеваеете! Милосердие и сострадание вам подавай! Ах, вы суки... волчья порода... сколько ни корми вас... так и

норовите укусить щедрую мозолистую руку, которая всё вам, всё для вас! А ну, стоять! А ну, место! Мы вам устроим борьбу с космополитизмом! Мы вам припомним дело убийц в белых халатах! Попляшете ещё! Не повезло, Петечка, с родителями! А ведь папа учил ещё не подличать, учил не отвечать ударом на удар... тебя по левой щеке, а ты ещё и правую подставь! Учил прощать, смиряться... учил вперёд не лезть, потому что себе дорожке-то в конце концов и будет... Вот я и не лезла, вот я и уступала дорогу-то всем... А ради тебя, Петечка, мне и не жалко было рассказы свои бросить, не надо мне никакой славы писательской... какой из меня писатель... вот ты, дорогой мой, ты — другое дело! Ты ещё напишешь свой роман, ты ещё удивишь всех! Как в институте про тебя говорили: Петя — это кач! Петя — это монстр! Петя — далеко пойдёт! А как счастливо мы жили! Голодно, но счастливо! Как мы за любую работу хватались! Помнишь? Я в зоопарке клетки чистила...

ПЕТЯ. И тебя однажды большой толстый обезьян чуть не изнасиловал! (*Смеётся.*)

ГАЛЯ. Ой, еле отбилась!

ПЕТЯ. А я — заметки энтомолога писал... С «Юным натуралистом» сотрудничал. Там и денюжку неплохую платили... Счастливым было время! Я свои заметки многие просто наизусть помню... И писалось-то как легко... (*Декламирует, размеренно шагая.*) «Жук-олень — крупный жук из семейства рогачей, обитает в дубравах и лесах всего мира, но особенно любит необъятные просторы нашей милой родины. Выйдешь, бывалоча, в светлую ширь отечества да и глядишь: то берёзка, то рябина, куст ракиты над рекой... и везде, везде обитает чудесный жук-олень, с законной гордостью носящий своё изумительное украшение — огромные ветвистые рога. Но не подумай, дружок, будто бы жук-олень отмечен так благодаря своей коварной супруге, нет, вовсе нет, это щедрая природа наделила его редкой достопримечательностью. Ты спросишь, дружок, для чего нужны этому мужественному жуку его шикарные рога? Они нужны ему для забодания врагов. Научное название полезных приспособлений — мандибулы, а вообще это верхние челюсти ротового аппарата всех членистоногих. Как прекрасна наша отчизна, дружок, и сколько в ней замечательной еды для насекомых рабоче-крестьянского происхождения. А всяких там трутней и прочих лежебок, которым не место в пролетарском сообществе трудовых насекомых, природа не удостоила таким приспособлением... Трудовые насекомые! Как прекрасен этот класс беспозвоночных членистоногих животных подтипа трахейнодышащих!» Ну, и так далее... Слу-у-у-шай! Мне сейчас гениальная мысль в голову пришла! Я роман напишу о насекомых! Об их жизненной борьбе, об их трудовых свершениях! Об их любви! Я думаю, мне сразу Нобелевскую премию дадут! Даже две — одну по литературе и вторую — Премию мира... я же антивоенный роман напишу... за мир, против войны.. против страданий и мучительных испытаний человечества!.. то есть насекомых я имел ввиду...

ГАЛЯ (*робко*). Петечка... так уже вроде был такой роман...

ПЕТЯ. Да ну! Ты шутишь!

ГАЛЯ. Правда-правда, Петечка! Нисколько не шучу! Пелевин написал. «Жизнь насекомых» называется.

ПЕТЯ. Ну вот, какого хрена? Кто тебя просил? Как ты умеешь всё испортить! Накрылась Нобелевка медным тазом! Вот же вражеская ты лазутчица! Сволочь ты! Тебя, наверное,

иностранные разведки подслали, чтобы ты портила национальное достояние России! Ведь я — достояние! (*Неожиданно хватает Галю за горло.*) А ну, говори, кто тебя послал! ЦРУ? МИ-6? Моссад? Штази? Главное управление имперской безопасности?

ГАЛЯ (*хрипит*). С ума сошёл?!

ПЕТЯ. Я не сошёл с ума... это ты сошла с ума! Ты всё портишь... где бы ты ни появилась, всюду распускаются цветы зла... Бодлер об этом когда ещё писал! Ты сама — цветок зла! Страшный, хищный цветок зла!

ГАЛЯ (*сдавленно хрипит, задыхаясь*). Петя!

Освещение меняется; на комнату, на все находящиеся в ней предметы опускается мистический полумрак и по стенам начинают гулять разноцветные волны сна.

ПЕТЯ. Что Петя... что Петя... я сорок лет уже Петя! Говори, шкура продажная, скока тебе заплатили, чтобы меня сгубить? (*Отпускает её горло.*)

ГАЛЯ. Да я не знаю ничего...

ПЕТЯ. Ты помолилась на ночь... а, Галина?

ГАЛЯ. С ума сошёл... когда молилась я?..

Ведь возвращена я в лоне атеизма!

ПЕТЯ. Но если грех в больной твоей душе

Нежданно свил опять гнездо порока, —

Скорей покайся! Может быть, тогда

Получишь ты прощение и милостыню Господа-Творца!

ГАЛЯ (*откашливаясь*). Что это значит, монсеньор?

ПЕТЯ. Да то и значит,

Что помолиться время подошло тебе!

Я жду. Молись. Негоже душу убивать,

Которая ещё не возопила к Богу.

ГАЛЯ. Ты что? Опять? Помилуй же меня!

Святое небо, сжался надо мной!

ПЕТЯ. Аминь! (*Снова хватает её за горло, начинает душить.*)

ГАЛЯ. О боги!

ПЕТЯ. Да! Подумай о грехах

Да вспомни всё, что прежде ты творила!

ГАЛЯ. Как страшен ты, когда передо мной

Ворочаешь кровавыми глазами!

ПЕТЯ. Молись, молись, пока не поздно!

Семя зла! Греховна ты и нет тебе прощенья!

ГАЛЯ. Греховна, да! Ведь страсть моя к тебе

Бездонна, как бушующее море!

Я так люблю! И душу мне продать

Не стоит ничего, когда я знаю

Твою любовь, как истину саму!

ПЕТЯ. О, эта ложь! Сладчайшая из всех!

Но нет, не верю! Будешь ты убита!

ГАЛЯ. Как ты кипишь! Ты весь во власти зла!

И облик твой кровавый мне несносен!

Но внемли: я безвинна, как дитя!

ПЕТЯ. Ты продалась заслуженным разведкам!

И этот грех не сможешь ты избыть!

Молилась ты, я снова вопрошаю?

Душит Галю.

ГАЛЯ (*визжит*). Нет! Нет, я не согласна!

Я повода тебе не подавала!

ПЕТЯ. Пришла пора для жертвоприношенья!

Звонок в дверь.

ГАЛЯ. Помогите!

ПЕТЯ. Не время для помощи тебе!

Убью сначала, быстро придушу,

А уж потом, возможно, и открою!

Продолжает душить.

ГАЛЯ. Спасите! Скорее! Он меня убьёт!

Звонок звучит всё настойчивее.

ПЕТЯ. Чёрт! Достал! Какой упёртый человек!

ГАЛЯ (*едва хрипит*). Х-э-э-э- лп... На помощь...

ПЕТЯ. Впрочем, ладно... (*Отпускает Галино горло, Галя с грохотом падает на пол.*)
Сейчас! (*Идёт к двери, но, сделав несколько шагов, передумывает и возвращается.*) Нет,
надо завершить! (*Снова хватает Галю за горло.*) И будет поделом тебе возмездье!

Звонок звенит безостановочно.

Сейчас, сейчас, ещё одну минуту...

Нет, я закончу этот скорбный труд!

Душит.

ГАЛЯ (*хрипя*). За что, губитель? О! Мой ласковый и нежный зверь!

ПЕТЯ. За всё хорошее, змея!

Звонок истерически захлёбывается.

ГАЛЯ. У-ми-ра-ю...

ПЕТЯ (*неожиданно снова бросив Галю*). Нет, невозможно в такой нервной обстановке убивать живого человека! (*Галя опять с грохотом падает на пол.*) Всё! Кто не спрятался, я не виноват! Его щас тоже убью!

Идёт к двери, открывает; входит Петухов.

Возвращается нормальное освещение.

ПЕТУХОВ. Да что у вас такое? Звоню, звоню... шум, крики... Вы что не открываете?

ПЕТЯ. Да вот задушить хотел твою любовницу. Думал, ты придёшь, а тут — мы... И я тебе р-раз такой — остывший труп! Сюрпри-и-из!

ПЕТУХОВ. Ты что, рехнулся? Ты зачем меня звал? Десять лет не звонил и вдруг — нате вам!

ПЕТЯ. Я ж говорю: труп хотел презентовать! А потом раздумал. Живую бери!

ПЕТУХОВ. Как это бери?

ПЕТЯ. Очень просто. Ты ж её со школы любишь. А я тебе, типа, дорогу перешёл. Ну, вот и бери! Она мне теперь нафиг не нужна. А тебе стодится ещё...

ПЕТУХОВ (*Гале*). В чём дело, Галя?

ГАЛЯ. Бери!

ПЕТУХОВ. А что у вас тут происходит?

ГАЛЯ. Потом объясню... помоги мне...

Петухов помогает Гале подняться.

ПЕТЯ. Как хорошо! Голубки! А вы смотрите вдвоём! Идите с Богом!

ГАЛЯ. Пойдём, Петухов!

ПЕТЯ. Стой, Петухов! А может, я тебя лучше убью? Вместо Гали?

ПЕТУХОВ. Дурак ты, Петя, и шутки у тебя дурацкие!

ПЕТЯ. Ничего не шутки! Душить-то мне тебя, пожалуй, не с руки, ведь ты и сам кого угодно задушишь, а вот топором — в самый раз будет... Знатный фарш получится... Я тебя как старушку-процентщицу... Р-раз! И нету Петухова! А что? Хорошая идея...

ГАЛЯ. Не шутит... Пойдём, Петухов, пока не поздно...

ПЕТЯ. В самом деле, идите лучше... Возись с тобой потом! (*Задумчиво.*) Тебя же расчленивать придётся... кровь, блин, по всей квартире замывать... Оно мне надо? Проваливайте, пока я добрый... А я в тишине тут роман про вас напишу... не, повесть... которой нет печальнее на свете...

ПЕТУХОВ. Ладно, ладно, Петя, уже уходим... (*Гале.*) Идём, Галчонок!

ПЕТЯ. К чё-ё-ёртовой матери!

Петухов с Галей уходят.

Снова возникает мистический полумрак и на потолке, стенах, мебели появляются разноцветные волны, пятна света и мигающие огни.

Петя садится за письменный стол, включает настольную лампу, берёт бумагу, ручку, начинает писать.

На балконе в глубине сцены появляется Галя, под балконом — Петухов.

ГАЛЯ. Я так скучаю, милый! Где же ты?.. (*Пауза.*)

Нет, он не слышит моего привета,
 Когда б он знал заветные мечты
 Своей возлюбленной... но песня вновь не спета...
 О Петухов! Приди ко мне, мой персик!
 И ороси слезами мои перси!

ПЕТУХОВ. Я здесь, любимая! Прими моё моление,

Я путь прошёл по лабиринтам страсти
 Пусть мне зачтётся это преступление,
 Когда в ментовской окажусь я власти!

ГАЛЯ. Любимый мой, прекрасный Петухов!

Ты весь во власти нравственных оков!
 Неблагозвучно прозвище твоё,
 Но с ним созвучно счастье моё
 И я его люблю сильнее жизни...
 И даже больше нив родной отчизны...
 Что Петухов? И разве так зовут

Лицо и плечи, лысины уют?
 Бородку, лоб, очёчки, брови, нос?
 И глаз волшебных чудный перекося?
 Как ты сумел пробраться под балконы?
 Как ты преодолел судьбы препоны?

ПЕТУХОВ. Взгляни, любимая: во мне клокочет кровь,

Мне нет преград на суше и на море!
 Меня перенесла сюда любовь,
 Её не остановят ни заборы,
 Ни страшные собаки во дворе,
 Ни злобные морозы в ноябре
 Давай сольёмся в пароксизме страсти
 И победим любовью все напасти!

Неожиданно звучит громкий телефонный звонок.

Возвращается нормальное освещение.

Петя берёт трубку.

ПЕТЯ. Алё!.. А-а... привет, Галчонок!.. Ну, как у меня... да, нормально... Бичую потихоньку... А сама как? Ребё-ё-ёнок?.. Да ты чё! Это круто! Как те удалось?.. Да ещё и очень просто! Как же это могло быть просто? Ведь у нас с тобой скока лет не получалось! Реально круто! Поздравляю! А когда? Так скоро? Ты ж вроде недавно совсем ушла... Как — больше года? Да не может быть... Слушай, а мне казалось недавно совсем... Ну, молодцы, молодцы... чё ж я могу сказать... А у Петухова как дела? На повышение пошёл? Ты шутишь! Ну, вы даёте!.. Я-то? Да нормально... Работаю потихоньку... тебя вот нет, как-то меньше теперь отвлекаюсь... Очень быстро пишу! Недавно роман закончил! Ты не поверишь: на все премии его двинули! Даже на «Большую книгу»... пресса захлёбывается буквально! В один голос все (*Размеренно, подняв указательный палец.*): это серьёзная заявка на Нобелевку! Грандиозной силы и мощи книга! «Птичка» называется... про птичье сообщество... иносказание такое... как у Оруэлла... очень мощное... типа «Скотного двора»... там один орнитолог... впрочем, ты сама потом считаешь! Знаешь, у меня такое предчувствие... все премии в этом году я получу! Денег будет — фигова туча! А я всё работаю, всё продолжаю... Ты же помнишь — я трудоголик! Ночами работаю, утром сплю... а по вечерам созерцаю окружающий мир... Сяду эдак иной раз перед открытым окном и думаю — вот помру я и будут школьники в школах изучать мои произведения... хорошо... и весь я не умру... душа в заветной лире мой прах переживёт и

тленья убежит... вместе с классиками буду под одной обложкой... эх! надо же! Щас премии тока сначала получу... Слушай, я вот подумал тут: а прикольно было бы, если б классики, к примеру, тоже премии в своё время получали! А? Тургенев! «Русскую премию»! Всенепременно! Он же пил, вроде, какой-то там исторический нарзан в Баден-Бадене... ну, типа, связан был Германией? «Русскую премию» же дают за произведения, созданные за границей... А он в Германии жил! Так пусть бы получил! За «Муму», например! А Толстому, скажем, — «Большую книгу», ну, он написал же «Войну и мир»... очень большая всё-таки книга!.. Лермонтову, чтобы далеко не ходить, — премию «Дебют»! — молодой ещё, в зрелости много чего, стало быть, напишет... на перспективу, значит... Премию «НОС» - Гоголю, премию Андрея Белого – Борису Бугаеву, а премию Ивана Петровича Белкина — Пушкину, само собой, — за цикл известных повестей... Ну, как тебе моя идея?.. *(Пауза.)* Конечно, фантазёр! А писатель не может не фантазировать... потому я и великий, что фантазия у меня — ого-го!.. *(Пауза.)* Ну, а чё? Зайди... почему нет? Навести бывшего мужа... по старой дружбе чё ж не навестить? Когда зайдёшь? На неделе... или тебе лучше в выходные? Прямо сейчас? Ой, слушай, у меня тут не прибрано... ну, ничего, ладно... пока ты придёшь, я как раз пыль быстренько везде вытру... Хорошо! Давай!..

Кладёт трубку, начинает расставлять по местам разбросанные в беспорядке предметы, напевая что-то вполголоса себе под нос, вытирает пыль.

Звонок в дверь.

Входит Галя — в стильной одежде, с шикарным макияжем, модной причёской и огромным животом.

ГАЛЯ. Привет, Петечка! Ну, как ты поживаешь?

ПЕТЯ *(целует Галю).* Привет, дорогая... да вот... вашими, как говорится, молитвами... живу себе потихоньку... работы, правда, много... интервью опять же без конца, на телевидение приглашают... в связи с новым романом... я же тебе рассказывал...

ГАЛЯ. Молодец, что не перестаёшь работать.

ПЕТЯ. Да нет... как же я перестану? Это же судьба моя... ведь я должен был стать властителем дум... ну, вот и стал наконец... Меня даже на ток-шоу разные приглашают... да... у Малахова недавно был... прикольный, кстати, малый... Весь вечер анекдоты травил! На радио ещё... в передаче «Литературный авангард»... ты не поверишь — целый час пытали! Я думаю, мне скоро медаль дадут... впрочем, что медаль? Орден! За бескорыстное служение отечественной литературе... думаю, в Кремль пригласят...

ГАЛЯ *(подходя к серванту).* Петечка, а где бабушкин хрусталь?

ПЕТЯ *(бесшабашно).* Пропил, Галчонок! Мне же иной раз взбодриться надо...

ГАЛЯ. Эх... жалко... А я мимо иду тут сегодня, думаю, как там Петечка мой поживает? Зайду, думаю, спрошу, как жизнь молодая... может, надо чего? *(Проходит в дальний угол, натывает на батарею бутылок, которые с грохотом валятся друг на друга.)* Ой! Петя!

Да у тебя тут целый арсенал! Это называется — иной раз взбодриться надо? Да ты просто квасишь по-чёрному!

ПЕТЯ. Нет, Галчонок, нет! Очень редко! Скопились просто... так-то я обычно сдаю их... а это уж неделю не сдавал! За неделю скопились! Завтра сдам... как раз ещё на пару пузырей хватит...

ГАЛЯ (*открывая сервант*). А серебро где?

ПЕТЯ (*укоризненно*). Брось, Галчонок! Это ж мелочи такие! Ерунда, честное слово! И разговору даже не стоит! Тоже пропил! Но это ж для дела... Мне вдохновения не хватало как-то, ну, думаю, надо накатить! Тебя вспомнил... няню тоже свою вспомнил... выпьем, добрая старушка! У меня такая добрая няня в детстве была! Выпьем с горя, где же кружка? Пить, правда, одному пришлось... няня-то померла давно... Ой, жалко няню! (*Плачет.*) Боже мой! Загубил я няню! Зачем за пивом её посылал! Померла, безвременно померла няня! От пива, да... вот такой живот у неё вырос... пивной живот, слыхала, наверное? теперь комплекс вины у меня...мучаюсь я, ночами не сплю... пытаюсь тоже боль утраты крепкими напитками заглушить... как я страдаю! за всех страдаю! за няню, за тебя, даже за Петухова! Как он, кстати? Ты говоришь — поднялся?

ГАЛЯ. Ой, Петечка, ты такой великодушный! Петухов — нормально. Он молодец у меня. Он же у нас раньше главным технологом был... вообще, талантливый он... почти как ты... ну вот... в прошлом году проводили мы директора своего на пенсию, а на его место, представляешь, Петухова поставили! Петухов в нашей фирме теперь директор!

ПЕТЯ. Да ты чё! Круто! Ну, не ожидал я от Петухова... Молодца, молодца... Даёт парень стране угля!

ГАЛЯ. А я кем теперь работаю, угадай с третьего раза!

ПЕТЯ. Ты? Неужели? Я тебе сейчас покажу, как Константин Сергеевич своим актёрам показывал... (*Встаёт в позу, торжественно поднимает руку и со зверским выражением лица провозглашает.*) Не верю!!

ГАЛЯ. Верь, Петечка, верь! Я теперь работаю главным бухгалтером! А Фуфлыгину уволили. За махинации. Даже посадить хотели...Представляешь?

ПЕТЯ. Трудно как-то представить...

ГАЛЯ. Да! Я теперь главная в бухгалтерии, у меня и кабинет свой, отдельный... Зарплата — как у министра!

ПЕТЯ. Ну вы, блин, даёте! Так ты, значит, с Петуховым? Я без обид — просто спрашиваю...

ГАЛЯ. Ну да! Он со своей-то ещё тогда развёлся... помнишь, когда ты его топором хотел... на этот... как его... на форшмак...

ПЕТЯ. На какой форшмак... на простой фарш хотел...

ГАЛЯ. Да неважно! Ты ж сказал, помнишь: бери, мол, её! Ну вот, он тогда и развёлся! А меня замуж позвал! И теперь (*Поглаживает свой живот.*)... теперь уже скоро... если мальчик родится, Петром назову...

ПЕТЯ. Правда? (*Плачет.*) Не срослось у нас с тобой, не срослось... скока лет прожили, а вот надо ж так... Правда, моим именем назовёшь?

ГАЛЯ. Конечно! Я ведь тебя так сильно любила! Прости меня, Петечка, это я во всём виновата! Правда, Петухова я тоже сильно люблю... Ты уж не обижайся... Масляна головушка, шёлкова бородушка... знаешь, как он сладко бородой своей щекочет! Он вообще такой душка! Представляешь, ему нравится всё во мне! Даже то, что тебе не нравилось! Помнишь, ты говорил: ну и задница у тебя, мать! Такая корма, дескать, ледоколу к лицу — вековые льды крушить! А Петухов наоборот говорит — очень красивая, мол, у тебя, Галчонок, попа, большая, мягкая, уютная... тут ведь от подхода зависит... а уж Петухов умеет подойти... да и сиськи мои ему нравятся... вот ты ругал меня всю жизнь за сиськи — маленькие тебе, видите ли, не нравятся! типа, ухватиться не за что! А вот ему нравятся! Очень даже нравятся! Грудки, говорит, у тебя, как маленькие тёплые воробушки, притаившиеся под моими ладонями... Любит меня потому что! И мне хочется ему понравиться, да... Он мне всё купил! Косметику хорошую, духи, одежду... смотри, какой прикид у меня! Парикмахерская — каждую субботу! В Эйлат возил! Целый месяц там передо мной все стелились! Красное море! Бархатный сезон! Петухов — настоящий принц! Изумрудное кольцо недавно подарил!

ПЕТЯ (*озадаченно*). Да ты чё... А я вот интересуюсь спросить... (*Внезапно.*) спит он с тобой?

ГАЛЯ (*слегка похлопывает себя по животу*). А это что? Ещё как спит... вообще не останавливается...

ПЕТЯ. Ну, вы, блин, даёте...

ГАЛЯ. Знаешь, какой он активный... На работе даже пристаёт! Специально поставил в моём кабинете диван... кожаный... и приходит ко мне в кабинет... каждый день! А диван скользкий... мы однажды так грохнулись с него... всю бухгалтерию перепугали, они думали — землетрясение! Прикинь, если я своими габаритами к паркету приложусь! До сих пор не понимаю, как мы пол-то не проломили... А один раз машина у нас сломалась, так мы на трамвае поехали... не поверишь — в вагоне стал помогать... пассажирам неудобно, отворачиваются... есть же всё-таки ещё тактичные люди в нашей стране... а он — как с цепи сорвался! Трамвай бедный бежит, качается... заносит его на поворотах... чуть с рельсов не сошёл! А дома — это просто кошмар какой-то... Проходу буквально не даёт! Да какой затейник... Ой, зачем я всё это говорю... тебе ж неприятно, наверное... Но ты ж меня и не замечал даже в последние годы... Я у тебя что была, что не была... Как будто бы мебель какая-то в квартире...

ПЕТЯ. Слушай... а может, нам снова пожениться? Ты такая красивая стала... фигурка у тебя необычная — супер просто, а не фигурка... и макияж такой изысканный... Галчонок, ведь я — эстет, я люблю всё красивое... а ты — красючка... и беременность тебе к лицу... Родишь вот скоро... как хорошо! мне и трудиться не надо, Петухов уже расстарался, молодец какой... а за ребёнка ты не беспокойся, я его усыновлю! Пётр Петрович будет! Шикарное какое имя!

ГАЛЯ. Петечка, а что если у меня два мужа будет? Я же вас обоих люблю!

ПЕТЯ (*озадаченно*). Два мужа? Типа, гарем наоборот? Ну, я не знаю...

ГАЛЯ. А что? Очень удобно! Ты будешь маленького Петю по утрам в садик отводить, а Петухов после работы вечерами станет забирать... Дежурство установим: кому в какой день разрешается гнёздышки для двух маленьких тёплых воробушков строить...

ПЕТЯ. Ну, я не знаю... Я не чувствую себя в этом решении комфортно...

ГАЛЯ. Почему? Мы с Петуховым будем для нашей семьи деньги зарабатывать, а ты — славу! Ведь ты классик! Ты такие книги пишешь! На твоих романах будущие поколения будут воспитываться!

ПЕТЯ (*скромно потупившись*). Ну... в школьную программу меня, положим, ещё не включили... хотя, думаю, не сегодня-завтра включат... Или включат?

ГАЛЯ. Внесут!

ПЕТЯ. Лишь бы не вынесли!

ГАЛЯ. Петечка, ты столько работаешь... а ведь для продуктивной работы мозга нужно хорошо питаться. Как у тебя с питанием?

Подходит к холодильнику, открывает его, заглядывает внутрь, чуть согнувшись. Холодильник пуст. Галя суёт туда руку, с брезгливым выражением лица достаёт оттудадохлую мышь.

ПЕТЯ (*поспешно*). Да нормально, Галчонок!

ГАЛЯ (*брезгливо держа мышь за хвост двумя пальцами*). Петя! У тебя в холодильнике мышь повесилась!

ПЕТЯ. Боже, какая трагедия!

ГАЛЯ. Петечка, пойду-ка я тебе продуктов куплю... А то ты у меня новый роман никогда не допишешь...

ПЕТЯ. А деньги... у меня и денег-то нету... Вот разве пойти бутылки сдать... Впрочем, это НЗ! Ты знаешь, я не могу продукты сейчас себе позволить...

ГАЛЯ. Это ничего, Петечка... не переживай... у меня теперь денег куры не клюют! Зарплата же как у министра!

ПЕТЯ (*нехотя смирившись*). Ну, ладно... хорошо... А я поваляюсь пока, может вздремну минут на десять... ночью-то я работал... глаз не сомкнул...

ГАЛЯ. Спи, мой дорогой... спи... пусть тебе приснится Пальма де Мальорка...

Выходит из квартиры.

Освещение меняется, снова возникает полумрак и цветные волны на стенах.

Входит Петухов. На голове у него — немецкая каска времён Великой Отечественной, на шее — автомат. Под фонограмму «In The Death Car» (Горан Брегович и Игги Поп) Петухов исполняет ритмичный милитаристский танец; по завершении композиции хватает автомат и раздражается очередью в спящего Петю. Несколько секунд затемнения, во время которых слышны нецензурные, «запиканные» возгласы Пети.

ПЕТЯ. Б... п... мать... е... я ваши именины! Совсем ох... этот Петухов! Это что ж такое! Ё... можно от такой жизни! Не... завязывать пора с бухлом! Эдак я и до белой горячки доберусь... и спать же надо ночью! Дня, что ли, мне мало? Днём — работать, а ночью спать... как все нормальные люди... Чё-то у меня день с ночью уже совсем перепутались... А я сегодня обедал или нет? (*Выглядывает в окно.*) Впрочем, кажется уже вечер. Обед — в сторону. Ужинать пора! (*Заходит на кухню, поочерёдно открывает одну за другой кастрюли.*) Б...! Нету ни хрена! Это чё такое? У мужика жрать нету! А где ж эта сука? Рабочий день вроде уже кончился... Не, ну это просто беспредел какой-то... Где она шляется? Опять по мужикам пошла... В квартире — бардак, грязь кругом! (*Подходит к письменному столу.*) На моём рабочем столе — пыль! Священное, можно сказать, сакральное место! Ну, подойди, вытри пыль! Возьми, блин, мокрую тряпку в руки! Я тут шедевры бессмертные творю! Неряха, лентяйка, хабалка! На хрена я на ней женился? Чё я в ней нашёл? Правильно родители говорили — не женись на этой чумичке! Она тебе нужна? Нет! Ты своё от неё взял? Да! Поматросил и бросил! Влупи-ка ей поджопник для скорости... и пускай катится колбаской по Малой Спасской!

Звонок в дверь.

Петя открывает.

Входит Галя в своей обычной невзрачной одежде, без причёски, без макияжа, без живота. В обеих руках у неё — огромные неподъёмные сумки, из которых торчат куриные ноги, пучок зелёного лука, хлебный батон. Тяжело дыша, она ставит сумки на пол, начинает снимать верхнюю одежду.

ГАЛЯ. Привет, Петечка!

ПЕТЯ. Ты где была, дрянь такая?

ГАЛЯ. Петечка...

ПЕТЯ. Чё, Петечка? (*С угрозой.*) Чё, Петечка? Ты где шлялась? Опять с мужиками в подъездах отиралась? Вот чё спина испачкана? По чердакам шастала? На лестницах юбку задирала? Ну, ты и гадина...

ГАЛЯ. Петя! Бог с тобой! Я в магазине была! И на работе ещё задержали... Директор наш, старый пень, знаешь какой въедливый... Сегодня вообще день не заладился... С самого начала... Баланс подбиваю — не идёт и всё! Не сходится, хоть убей! Что ты будешь делать! Я один раз проверяю — не бьёт! Другой раз проверяю — опять не бьёт!

Так и не сделала... домой взяла, ночью, может, посижу... А потом в магазин заглянула, дома же нет ничего! Ты бы вышел днём, да позвонил мне на работу, купил, мол, то-то и то-то... я бы побыстрее вернулась...

ПЕТЯ. Ага... я тебе и в магазин ходить должен! Сижу тут, мля, не разгибаясь, понимаешь, сутками, строчу день и ночь, благосостояние семье зарабатываю! А она шляется незнамо где, и ещё права мне тут качает! Жрать нету! Грязюка кругом! Ты когда квартиру убирать будешь? Микробы везде! А у меня здоровье слабое!

ГАЛЯ. Петечка, в субботу уборку обязательно сделаю...

ПЕТЯ. Сегодня делай!

ГАЛЯ. Сегодня мне готовить ещё...

ПЕТЯ. А мне по фигу! Сначала готовить, потом — уборка!

ГАЛЯ. Петечка, мне же ещё баланс доделывать!

ПЕТЯ. Ну, ничего, ночь длинная впереди... я же не сплю по ночам... я же всю ночь, твою мать, работаю! И ничего — не жалуясь! *(Вынимает из сумки батон, откусывает горбушку.)* А ты чё-то в последнее время разленилась... ну-ка соберись давай! Знаешь, скока у нас ещё свершений впереди? Ведь я скоро все премии получу... меня и в Кремль уже пригласили... то есть пригласят скоро... А ты? Ну, кто ты такая? Ты мне не соответствуешь! Ты — грязь на подмётках моих ботинок!

Галя устало садится на стул возле стола, заставленного грязной посудой.

ГАЛЯ. Петечка, занеси, пожалуйста, сумки на кухню.

ПЕТЯ. Ты чё, совсем ох...! Сама неси!

ГАЛЯ. Петечка, я очень-очень устала... очень-очень устала...

ПЕТЯ. Чё ты устала? С какого, спрашивается, члена предложения ты устала? С таким задом как можно устать? Кобыла! Да на тебе пахать нужно! Чё ты за жизнь мне устроила? Я лауреат, заслуженный писатель, популярный автор, за мной бабы косяками вьются... Я роман века написал! Мои пьесы во всех театрах идут! А я — с тобой! Я лучшей жизни достоин! Чё я тут мучаюсь с тобой?

ГАЛЯ. Может, мы уже разведёмся, Петечка... Я же вижу, что я тебе не пара...

ПЕТЯ. Конечно, не пара! Я когда автограф-сессии провожу, бабы в очередь ко мне встают! Все меня хотят! Улыбаются, в глаза заглядывают... Декольте демонстрируют! На всё готовы! Лишь бы я им ребёнка сделал! Потому что знают — от меня тока вундеркинд родится! А я как идиот последний тебе даже не изменяю... Ну, почему, почему? Потому что я совестливый и порядочный человек!

ГАЛЯ *(плачет)*. Изменяй, Петечка, изменяй мне... если тебе будет хорошо, то я не буду возражать... лишь бы тебе было хорошо...

ПЕТЯ. О! Она мне ещё разрешение давать будет! Ты чё думаешь, я у тебя спрашивать стану? Ага, жди! (*Копается в сумках, принесённых Галей.*) Ты чё принесла? Ты чё купила? На хрена ты это купила? Тебя просили это купить? Ты на чё зарплату тратишь?

ГАЛЯ. Так я это тебе, Петечка, купила... ты же любишь...

ПЕТЯ. С чего ты взяла? Я это разлюбил давно! Сама жри это дерьмо! Тварь неблагодарная... я для неё — всё... всю жизнь свою я на тебя положил! Всю молодость! На заводе пахал! Челночил! В Болгарию тя возил! С рэкетом сражался, жизнью даже рисковал! Башку проломил! Из-за тебя всё! А ты что? Какая твоя благодарность? На хрена ты мне?

ГАЛЯ (*плачет*). Я же люблю тебя, Петечка...

ПЕТЯ. Любит она! Вот на хрена ты мне? На Алле Пугачёвой женюсь! Или даже на этой... как её?... с сиськами которая... (*Щёлкает пальцами, пытаясь вспомнить.*)... а! Анна Семенович! И всё! А тебя — вон! В отставку! Детей даже не можешь мне родить! Скока раз пробовали! Ничё не получается! С интернета детей скачай себе! Гнилая ты... ни один врач тебя не вылечит! Так и подохнешь без детей, без внуков! А я...

Галя резко встаёт, хватая со стола тарелку и с грохотом лупит ею о пол. Петя ошарашенно отступает.

ГАЛЯ. Да пошёл ты! Пошёл ты! Пошёл ты! Как же я от тебя устала! Один Господь знает, как я устала! Ты тиран, прихлебатель и дармоед! Ты задолбал уже всех своими бездарными романами! Ты достал уже всех своей несчастной жизнью! А откуда у тебя эта несчастная жизнь? Да ты сам её такой сделал! Кто тебя в литературу гнал? Кто тебя заставлял романы писать? Ты же графоман! Какие тебе премии? Твоими романами в сортире только подтираться! В Кремль его пригласили! Жди! Господи, это ж я за грехи свои расплачиваюсь! Зачем согласилась на аборт? Ведь это ты, сволочь такая, заставил аборт делать! (*Передразнивает.*) Мы ещё учимся, надо институт окончить! Подождём, Галчонок, до лучших времён! Ну, окончил ты институт, и что? Давай денег сначала заработаем, давай квартиру сначала купим! Ну, купили! А потом я снова забеременела... а ты, скотина, опять заставил аборт делать... не время! Не время тебе! А когда ж время? На пенсии, что ли, время? И всё! И доктор сказал — не будет больше детей! Понимаешь ты — не будет! Никогда! (*Плачет.*) Нобелевскую премию он захотел! Скот! Ну, ты хоть понимаешь, что ты самый обыкновенный, самый банальный скот? Всю жизнь я у тебя служанкой, прислугой... мою, убираю, стираю, жрать тебе готовлю... а тебе вкусненько, Петечка, а тебе сладенько, Петечка? А тебе спать мягонько ли, Петечка? С-скот! Ты носки свои поганые за жизнь хоть раз постирал? Гений, твою мать! Стишки он писал в многотиражку... статейки кропал про соцсоревнование! Вот там тебе самое и место! Сидел бы в этой долбанной многотиражке, горя от тебя никому бы не было! Где мои глаза были? Что я в тебе нашла? Ты же урод! Самый настоящий моральный урод! Ребёнка я, видите ли, не могу родить! Сам же меня изуродовал... а когда я болела по-женски, ты, кобель драный, лифчики чужие тут по всей квартире разбрасывал! (*Плачет.*) Сеял, тут, понимаешь, разумное, доброе, вечное... много, чай, насеял... и алименты никому не платишь! Ловко же ты устроился! С родителями из-за тебя не общаюсь! Плебеи они,

видите ли, для тебя... аристократ тоже мне, патриций хренов! Да мои родители — святые, не тебе чета! Они работали всю жизнь, и посейчас работают... а могли бы на пенсии уже отдыхать... А ты у нас пожизненно на пенсии устроился... на моей зарплате... работай, Галочка, а я твои денежки прожирать буду... Всё! Надоело! Всю дорогу я с тобой, как с ребёнком! Хватит! Сколько можно! Уж, наверное, с Петуховым-то мне не хуже будет! Он во всяком случае любит меня! Сколько лет прошло, а всё равно любит... А ты... ты просто никчёмный человек! Заперся тут в четырёх стенах... от жизни отгородился... знать ничего не хочешь... сидишь, как в клетке... Это ты — птичка! Ты! И меня запер, сволочь такая! Куда мы с тобой ходили за последние пять лет? В театр? В кино? В музей какой-нибудь? Куда мы с тобой ездили после Болгарии? Хоть один раз? Никуда! Понимаешь ты — никуда! В гости даже не ходим! У нас и друзей-то нет! Что я вижу с тобой в этой жизни? На работу чуть свет встаю... целый день в этом проклятом присутственном месте, в самом тёмном углу офиса! Крыса канцелярская! Я — самая настоящая канцелярская крыса! А кругом — столоничальники, значительные, мать их, лица! Деятнадцатый век какой-то! Благодаря тебе! Только тебе! Люди живут! Люди вокруг живут полной жизнью... а я тут с тобой просто существую... прозябаю в преддверии старости! Чёрт бы тебя подрал! Чёрт бы тебя, в конце концов, подрал!.. *(Поспешно надевает пальто и выходит из квартиры, изо всех сил хлопнув дверью.)*

Затемнение.

Шум дождя.

На авансцене под зонтиком стоят Галя и Петухов.

ГАЛЯ. Всё, Петухов! Я ушла от него! Ты не представляешь, как я себя чувствую! Мне кажется, я просто родилась заново... Волшебное какое-то чувство! Я сама не верю, что это случилось... это же решиться нужно было...

ПЕТУХОВ. Молодец, Галчонок! Я давно тебе говорил... Теперь совсем другая жизнь будет... Свобода! Мы можем наконец любить друг друга! Как хорошо! И пускай сейчас дождь... завтра всё равно выйдет солнце и окрестности озарятся волшебным светом... Смотри, какой мир вокруг! Счастливый! Праздничный! Нам будет в нём очень хорошо! Я спасу тебя! Увезу от этого тирана! На целый месяц! В Болгарию! На Золотые пески!

Пауза.

ГАЛЯ *(медленно)*. В Болгарию? На Золотые пески? Ты сказал — на Золотые пески? Почему именно туда?

ПЕТУХОВ. Ну, не знаю... Хорошо и недорого... Я там знаю отельчик замечательный... уютный такой отельчик... три звезды, правда, и без завтрака, но зато — море! Чудесный песчаный берег! Бирюзовая вода! Тихая волна! Чудесные сердолики у кромки прибора!..

ГАЛЯ. Погоди, Петухов... ты жену, вроде в Эйлат возил... в пять звёзд... ты же сам рассказывал... Красное море, дайвинг, все дела... завтрак, обед, ужин — прямо в номер!

ПЕТУХОВ (*с досадой*). Ну да... Галчонок, деньги тогда как раз получил... сейчас не очень как-то с деньгами... да и дети тогда с нами были... детям разве откажешь в чём?.. знаешь, Галчонок, может, лучше в загородный пансионат поедём?.. тишина, покой, лес...

ГАЛЯ. Старый советский пансионат?..

ПЕТУХОВ. Зато вместе... вдвоём... только ты да я... с милым же и в шалаше рай...

ГАЛЯ (*осторожно, словно бы боясь испугнуть присевшую на лист бабочку*). Ты женишься на мне, Петухов?

ПЕТУХОВ (*мнётся*). Ты знаешь, Галчонок... Ну вот как я? Я же со своей двадцать лет уже... А она болеет, да... ты знаешь, она ведь больная... Да и дети... Они ж не выросли ещё... Слушай... нам с тобой и так, в конце концов, хорошо...

Несколько мгновений Галя молча смотрит на Петухова. Дождь барабанит по зонту.

ГАЛЯ (*внезапно, в голос*). Петухов, миленький! Возьми меня замуж! Пожалуйста, возьми! Я тебе что хочешь буду делать... всё для тебя, всё ради тебя... любить буду... ноги стану тебе мыть... У меня никого на этом свете нету! У меня детей даже нету! (*Плачет.*) Петухов, я тебе детей рожу! Я ещё не старая, успею... Родненький, родименький мой! Я так тебя люблю... возьми же меня замуж, возьми! Пожалуйста, возьми!..

Дождь усиливается. В мелодию водных струй вплетается голос Игги Попа, и песня через некоторое время заглушает звуки природы, заполняя собой и сцену, и зрительный зал.

Затемнение.

Занавес.

2015 г.